

Михаил СОПИН

Но дымится земля

*Новую книгу
о судьбе и поэзии
Михаила Сопина
подготовила его вдова
Татьяна Петровна
(Спелый дождь:
поэтическая биография. –
Вологда, 2011).*

Когда началась война, Михаилу Сопину было десять лет.

Вот как он это вспоминает:

«Мы не успели эвакуироваться, помню, собирались ехать в каком-то эшелоне, а в тылу нашем уже были немцы. Бежали из-под Харькова, в одной массе – солдаты, дети, старики, женщины... Это был какой-то бег исхода. Если бы нас остановили, мы, наверное, умерли бы на месте. До сих пор не верю, что выжил... Немцы нас нагнали. Разорванные, раздавленные дети, их утюжили танками. Меня ранило осколком в череп, спас какой-то военный – замотал голову тряпкой и пихнул в районе Богодухова в товарный вагон, я там валялся на опилках, весь в крови. Растолкала старушка, снова мы куда-то шли. Снова я в скоплении народа. Помню, упёрлись в реку: горел мост, и солдаты наспех сколачивали плоты. На них люди прыгали вместе с детьми, плоты переворачивались. И всё это под бомбёжкой...»

Детей (Мишку, маленького братишку Толика и старшую сестру Катю) переправляют к бабушке в деревню, на Белгородчину, но война настигает и тут:

«У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом

брошены. Окопы ошибочно выкопали за избой, и дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемёт, но никак не могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!» Велела тащить пулемёт на угол двора и там сама заправила пулемётную ленту.

Когда начинались налёты, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбёжки продолжались по трое-четыре суток... Я был в зачумлённом состоянии. Когда сутками напролёт бомбят, перестаёшь испытывать страх за жизнь – безразличие полное. В таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понятно... Скорее бы бомба попала, кончились муки...»

В марте сорок третьего в результате неудачной операции советского командования по освобождению Харькова сразу три армии попали в «котёл». Некоторым окруженцам удавалось избежать плена, и они небольшими группами, в одиночку, с помощью местных жителей пробивались к своим.

Однажды в хату Сопиных постучались двое лётчиков, вероятно, за самым простым: поесть, напиться. Бабушка Наталья Степановна подозвала одиннадцатилетнего Мишку и велела ему вывести этих людей. Сызмальства облазившие окрестности и прекрасно в них ориентирующиеся мальчишки действительно были лучшими проводниками.

...Он их выводит, наступают расставание. Со словами благодарности лётчик снимает со своей груди орден Красной Звезды: «Носи, сынок, ты заслужил». Можно представить, что значила для пацана такая оценка!

Таких орденов у него было два. В начале совместной жизни я сказала: «У тебя документы есть? Нет? Ну и не говори никому». Он и сам это понимал. Чем становился старше, тем возвращался к теме неохотнее...

Пятого июля сорок третьего в тех местах началось величайшее в истории Второй мировой войны сражение – Курская битва. Вместе с бабушкой и другими сельчанами Мишка вытаскивал раненых с поля боя. Погиб братишка Толик. Михаил переболел тифом. Ушёл из дому, скитался по военным дорогам, и, как записано в предисловии к сборнику стихов «Свобода – тягостная ноша» (Вологда, 2002), «периодически находился в действующих войсках Советской Армии, принимал участие в боях армии генерала Москаленко». Война закончилась для четырнадцатилетнего подростка в танковых частях в Потсдаме.

Татьяна СОПИНА

* * *

О чём я думаю,
О чём?
Что вот сейчас,
Ломая тени,
Ракета вырвется свечой
И грохнет взорванная темень!
И в крик мятущихся людей,
И в рёв пылающего зверя
Окаменело мне глядеть,
Иной реальности не веря.

ПОД НОГАМИ

Туда, в пороховую ярь,
Через поля и буераки
Уходит молодость моя
С душой,
Намотанной на траки.
Я не оправился от ран.
И нету места мне

в грядущем.

Ищу среди ветров и трав
Непохороненную душу.

* * *

Не виноват, что нет тебя,
Моё родное захолустье.
Ты помнишь, я из тех ребят,
О ком темнело небо грустью.
Ты помнишь – плачущих на-
взрыд!
Пришла беда – ворота

настежь.

Я шёл в ненастья той поры,
Когда страна была в ненастье
С коротким именем –
Война.

И я –
Под бомбами,
За мамой
Кричал в пространство:
«Отче наш!»
Но Отче
Изгнан был из храма.
Ползли нерусские кресты.
Глотали танки жизнь и
вёрсты...

И потому меня прости,
Когда завидовал я мёртвым.
Когда, казалось, сокрушён
Несокрушимый дух России –
Я припадал к земле душой
И болью,
Вечно не гасимой.

БЕЖЕНЦЫ

Деревья
Ветры обмели.
Машинам мокрым голоса,
Застыли одиночки лип.
Дожди плетутся

в даль косую.

Я помню –
Вот такой же день,

Тянулись беженцев обозы
Через разбегенную озимь
В тревогу мокрых деревень.
Под этим небом,
В этом поле
Кому кричать?!
Мы все равны,
Единые судьбой и болью.
Уже кочует полстраны.
И где конец,
И где тепло –
Ответа нет.
Одни вопросы...
И нас уносит под уклон,
Как эшелон
Без паровоза.

ПЕХОТА

...За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далёкой осенью
Пехота
С землёй
Смешалась на бегу.
И стала тихой и свободной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя.
Подбило память

серой льдиной:

Я не хозяин здесь, не гость.
За всё про всё –
Надел родимой,
Моей земли
Досталась горсть.

* * *

Для кого и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О память и явь,
Я бегу
Под горящую Готню
По разбитым
Осенним полям?
Через смерть,
Через сжавшийся ужас...
Может, где-то
Не всё сожжено.
Может, снова кому-то
я нужен

С индпакетом.
С краюхой ржаной...
Обгоревшее
Детское счастье!
Батарейный накатистый гул.
Стрельбовые сибирские части
С чернотой
Запёкшихся губ.
Отболели
И зажили раны.
И не пахнет
Нагаром в стволе.
Но дымится
Земля под ногами –
Десять лет,

Двадцать лет,
Сорок лет.

* * *

Живых из живых
Вырывали без списков
осколки.

И вечностью было –
До третьих дожить кочетов.
Мы шли в неизвестность
На год, на мгновение,
на сколько?

Живые с убитых
Снимали в дорогу – кто что.
В большом лихоее
Достаточно малого блага:
Ладони в колени,
Свернуться,

в скирду завалюсь.

И грела живого
Пробитая пульей телуга,
Так нынче – уверен –
Не греют тузов соболя.
И снилась не бойня,
Не трасс пулемётных качели:
Мне – кони

с цветами в зубах,

Их несла половодьем весна.
О сколько ж их было
В судьбе моей,
Страшных кочевий!
И видевших сны,
И не вставших из вечного
сна...

СОЛДАТАМ РОССИИ

Полвека снятся сны о битвах
Степных, метельных,
дождевых...

Что я живой
Среди убитых
И неживой –
Среди живых.
И тягостно от лжепричастия
Словес:
Никто не позабыт!
Из бездны лет
Не докричаться:
Кровавым грунтом
Рот забит.
И слышу без вести
пропавших,

Их мысли шепчут ковыли:

«Что там за жизнь
У близких наших?
Ответь:
Не зря мы полегли?»
И я броском –
Назад от даты,
Туда,
Сквозь грязь,
По гужевым,
Где примут исповедь
Солдаты
И нарекут
Меня
Живым.